

Начало течения исковой давности по требованиям в защиту лиц, не обладающих полной дееспособностью

Адам Георгий Георгиевич

Студент (магистр)

Российская школа частного права (институт), Москва, Россия

E-mail: adam-georgii@mail.ru

Принятое Пленумом ВС РФ постановление от 29.09.2015 № 43 "О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности" (далее - постановление № 43) дает повод еще раз осмыслить новеллы ГК РФ применительно к исковой давности и, вместе с тем, оценить, как такие новеллы толкует высшая судебная инстанция. Первое видимое нововведение, касающееся исковой давности, относится к определению начала течения исковой давности. Для отдельных случаев в постановлении № 43 определены специальные правила исчисления срока исковой давности. Весьма детально такие правила сформулированы применительно к требованиям, вытекающим из нарушений прав граждан, не обладающих полной дееспособностью.

Наиболее интересным в этой контексте является положение, в силу которого, если право не обладающего полной дееспособностью гражданина было нарушено самим его законным представителем, то исковая давность начнет течь, когда о нарушении станет известно (а) иному добросовестному законному представителю либо (б) самому гражданину с момента обретения или восстановления им полной дееспособности (абз. 3 п. 2 документа). Выработанный подход, по существу, является интерпретационной новеллой, поскольку ни новая редакция ГК РФ, ни ранее применяемое постановление № 15/18 не содержат таких положений.

В основе позиции - стремление защитить интересы несовершеннолетних и иных не полностью дееспособных лиц. В зарубежных правовых системах, как показывает Р. Циммерман, это цель может быть достигнута двумя путями. В некоторых правовых системах (яркими примерами являются Франция и Англия) установлено общее правило о том, что исковая давность вообще не течет против несовершеннолетнего. Этот подход, пожалуй, берет выше цели, поскольку у несовершеннолетних обычно есть представитель (например, родитель или опекун), способный вести дела от его имени. Следовательно, защита несовершеннолетнего требуется только в случаях, когда по тем или иным причинам он остался без такого представителя. Такое решение преобладает, например, в немецком, австрийском, греческом и итальянском праве. Оценивая представленные подходы, исследователь пишет, что выбор между двумя этими решениями нелегок. Если представитель не в состоянии действовать надлежащим образом, этот риск падает на несовершеннолетнего. Последний может быть защищен тем, что исковая давность по его требованиям к представителю приостанавливается, пока он не достигнет совершеннолетия. Такой иск против родителей - слабая замена (a poor substitute) самостоятельного иска ребенка против третьей стороны. Однако интерес несовершеннолетнего не может превалировать над интересами третьего лица, так как правовой порядок разумно исходит из предположения, что родитель или опекун, как правило, заботятся об интересах ребенка. В континентальном праве отмечается общее и давно начавшееся смешение от учета недееспособности как таковой к сбалансированности интересов несовершеннолетнего с интересами его должника. Такой сдвиг соответствует более общей тенденции к сокращению сроков давности, насколько это возможно [3].

Изложенная в постановлении № 43 позиция вступает в противоречие с идеей ограничения возможности предъявлять крайне за давностью требования. Возникающая в этой связи опасность разбалансировки оборота выглядит еще более масштабной, если принять

во внимание положение абз. третьего п. 17 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25, в силу которой сделки с недвижимым имуществом, совершенные от имени малолетних их родителями, усыновителями или опекунами, если она противоречит интересам малолетних, признаются ничтожными (п. 1 ст. 65 СК РФ, ст. 169 ГК РФ).

Решать проблемы, связанные с нарушением прав частично дееспособных и недееспособных лиц их законными представителями, как резонно отмечает ученый, нужно в первую очередь путем совершенствования законодательства об опеке и попечительстве, а не посредством изменения общих правил об исковой давности. Этот вывод корреспондирует позиции разработчиков Гражданского уложения Российской империи, справедливые нарекания которых вызывало действовавшее тогда правило о приостановлении давности на период, пока не обладающие полной дееспособностью лица находятся под опекой или попечительством. Как отмечалось, это правило «без особой надобности идет в разрез с весьма важным для института давности началом определительности сроков, отдаляя исполнение таковых на более или менее продолжительное и даже вовсе неопределенное время», в то время как «при улучшенной организации опекунских установлений и надлежащем контроле на опекунами, осуществления и охрана принадлежащих означенным лицам прав могут быть признаны обеспеченными вполне удовлетворительным образом» [1].

В свете изложенного абз. третий п. 2 постановления № 43, на наш взгляд, следует толковать ограничительно: срок исковой давности по указанным требованиям необходимо исчислять с момента приобретения лицом полной дееспособности только в том случае, если до этого момента лицу не назначался другой действующий добросовестно представитель (ср. со ст. III-7:305 DCFR [2]).

Источники и литература

- 1) Гражданское уложение Российской империи. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии) / Под ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1910. Т. I. С. 141.
- 2) Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Referenes (DCFR). ed. by Bar C., Clive E. Munich, 2009. Vol. 2. P. 1165-1166.
- 3) Zimmermann R. Comparative foundations of a European law of set-off and prescription. Cambridge, 2002. P. 134-135.